

С РАБОЧЕГО СТОЛА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 821.161.1–31(Достоевский Ф. М.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,444

ГСНТИ 17.07.51

Код ВАК 10.01.01

Я. Н. Дёгтева
Воронеж, Россия

ЧУЖОЙ ВЗГЛЯД В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Аннотация. Ф. М. Достоевский как писатель внес неоценимый вклад в развитие мировой культуры, его произведения транслируют гуманистические идеалы и непреходящие ценности, служат предостережением для грядущих поколений. Литературное наследие автора традиционно изучается в контексте поэтики; в системе приемов и средств создания художественного образа важную роль выполняет поэтика визуального. Визуальное в литературе изучалось разносторонне, но некоторые аспекты остаются нераскрытыми вообще, и в творчестве Ф. М. Достоевского в частности. Одним из таких вопросов является проблема чужого взгляда.

Статья посвящена актуальной в рамках визуальной проблематики теме — феномену чужого взгляда в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Чужой взгляд в творчестве автора определяется как направленность зрения субъекта на некий не совпадающий с ним объект и манера смотреть отчужденно (чужими глазами). Особенности исследуемого феномена определяют выбор междисциплинарного подхода к анализу и классификации чужого взгляда в творчестве писателя. Методологической базой являются работы М. М. Бахтина, Н. А. Бердяева, Б. Вальденфельса, М. Джоунса, Р. Лахманн, А. Б. Криницына, С. Л. Франка и др.

В данной статье чужой взгляд рассматривается в контексте коммуникации. Различные типы исследуемого феномена в романе «Преступление и наказание» представлены в речи героев и повествователя как рефлексия или наблюдение «со стороны». По отношению к художественной действительности выделяются реальные и воображаемые чужие взгляды.

Результаты исследования дополняют имеющиеся фундаментальные представления о наследии Ф. М. Достоевского, могут быть использованы в анализе художественной прозы писателя, преподавании соответствующих литературных курсов в высших учебных заведениях. Некоторые данные могут быть учтены в рамках психологических или педагогических специальностей при планировании коррекционно-развивающей, воспитательной работы с разными категориями населения (психологическая практика с использованием техник библиотерапии).

Изучение чужого взгляда позволяет расширить интерпретацию романа «Преступление и наказание». Эта идея требует дальнейшего рассмотрения на материале художественной прозы автора.

Ключевые слова: чужой взгляд; визуализация образов; рефлексия; русские писатели; литературное творчество.

Ya. N. Dyogteva
Voronezh, Russia

THE OTHER'S VIEW IN THE NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT» BY F. M. DOSTOEVSKY

Abstract. F. M. Dostoevsky as a writer made an invaluable contribution to the development of world culture, his artistic works broadcast humanistic ideals and timeless values, and there are admonitions for future generations. The author's literary heritage is traditionally studied in the context of poetics; in the system of methods and means of creating an artistic image important is the role of Visual Poetics. The visual in the literature has been all-rounded explored, but some aspects remain unsolved in general, and in the F. M. Dostoyevsky's oeuvre in particular. One such issue is visual aspects of other's view.

The article is devoted to the actual theme within the framework of visibility problems — the phenomenon of other's view in the novel «Crime and Punishment» by F. M. Dostoevsky. The other's view in author's artistic works is defined as subject's optical focus to some not identical him object and as subject's manner to look at alienately (to look someone else's eyes). Features of the observing phenomenon determine the choice of an interdisciplinary approach to the analysis and classification of other's view in the artistic work of the writer. The methodological basis is works of M. M. Bakhtin, N. A. Berdyayev, B. Waldenfels, M. Jones, R. Lachmann, A. B. Krinitsyn, S. L. Frank etc.

In present article the other's view is researched in the context of communication. Different types of other's views in the novel «Crime and Punishment» are presented in the speech of the characters and the narrator as a reflection or observation «from the outside». In relation to the artistic reality stand out real and imaginary other's views.

The results of the study complement the existing fundamental concepts about the heritage of F. M. Dostoyevsky, can be useful in the analysis of the writer's artistic prose, teaching the relevant literary disciplines (both in the main disciplines and special courses and elective courses) in higher educational establishment.

Some data can be considered in the framework of psychological or pedagogical specialties in the planning of correctional and developmental, educational work with different population's categories (psychological practice with using techniques of the Bibliotherapy).

A researching of the other's view allows expanding interpretation and analysis the novel «Crime and punishment». This idea requires further consideration on base of the fiction prose of the writer.

Keywords: other's view; visualization of images; reflexion; Russian writers; writing.

Ф. М. Достоевский выражал в своих произведениях идеи, приобретающие особую актуальность в настоящее время. Это не только психологические и философские аспекты бытия, но и визуальность

как социокультурная обусловленность зрительного восприятия.

Основной элемент визуальности — взгляд — нередко служит в тексте средством различения «своего» и «чужого». Факт постоянного обращения

писателя к фольклорному и этнографическому материалу позволяет рассматривать проблему визуальности в рамках культурно-исторического подхода.

Взгляд как объект исследования требует междисциплинарного анализа, так как индивидуальное восприятие преломляется не только через физиологические процессы, но и призму социализации: человеческое зрение находится в рамках определенного скопического режима и принятых техник видения.

Иными словами, взгляд субъекта на окружающую действительность и на себя, по сути, является интросектом, то есть чужим взглядом, усвоенным извне.

При этом понятие «чужой взгляд» в прозе Ф. М. Достоевского шире, чем «взгляд Другого». Чужой взгляд — это и направленность зрения субъекта на некий не совпадающий с ним объект, и манера субъекта смотреть (в том числе на себя) отчужденно (чужими глазами) [Дёгтева 2016]. Субъект и объект чужого взгляда могут отличаться, а могут быть тождественны, в то время как взгляд Другого предполагает несовпадение актантов визуальной перцепции.

Творчество автора в целом антропоцентрично, обнаруживает типологические связи и вступает в диалог с различными философскими теориями, что позволяет опираться на базовые категории этих систем при интерпретации и анализе художественного наследия Ф. М. Достоевского [Бахтин 2003; Бердяев 2001; Белопольский 1998, 2011]. У героя его произведений «нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [Бахтин 1997: 344]¹.

Необходимым условием полноценного в экзистенциальном понимании диалога являются не слова, а возможность установить контакт глаз и принять как схожесть, так и отличия другого [Бубер 1993; Длугач 2015]. Сознания персонажей взаимозависимы настолько, что «внешнее» общение трансформируется в диалогичность индивидуального мышления².

Из этого следует, что чужой взгляд в творчестве Ф. М. Достоевского необходимо рассматривать в контексте коммуникации героев.

Писатель во многих произведениях вводит в повествование голос автора, позволяющий более разнообразно и с разных точек зрения описывать интерактивную сторону общения персонажей. Форма изложения романа «Преступление и наказание» была изменена Ф. М. Достоевским в 1865 г.: место исповеди Раскольникова заняло повествование «от автора»³. Отсюда увеличение числа действующих лиц, изменение качества их взаимодействия и изображения взглядов.

«Преступление и наказание» — первый крупный философский роман, относящийся, по замечанию Г. М. Фридендера, к периоду «второго писательского рождения» Ф. М. Достоевского [Достоевский 1988, т. 1: 7; Тихомиров 2005]. Литератор поставил перед собой задачу «перерыть все вопросы в этом романе» [Достоевский 1973, т. 7: 148]. Коснулось это и темы визуального: чужой взгляд описан в различных пространственно-временных характеристиках, что позволяет достаточно полно рассмотреть репрезентацию исследуемого феномена в тексте.

На уровне организации произведения чужой взгляд может быть отрефлексирован героем в самоотчетах (монологических или диалогических), а может быть описан повествователем или наблюдающим ситуацию персонажем [Дёгтева 2016]. В анализируемом романе присутствует и та, и другая форма выражения чужого взгляда.

Эмпирическое исследование категории чужого взгляда в «Преступлении и наказании» с применением метода контент-анализа позволяет заключить, что большая часть ситуаций зрительного восприятия описана «со стороны», то есть лицом, не являющимся ни субъектом, ни объектом визуальной интеракции: «Да и предупреждаю тебя, милый Родя, как увидишь с ним в Петербурге, что произойдет в очень скором времени, то не суди слишком быстро и пылко, как это и свойственно тебе, если на первый взгляд тебе что-нибудь в нём не покажется»; «Авдотья Романовна любопытно поглядела на Разумихина; чёрные глаза её сверкнули: Разумихин даже вздрогнул под этим взглядом» [Достоевский 1973, т. 6: 31, 152].

Чужой взгляд, отрефлексируемый его субъектом встречается значительно реже, но представлен разнообразно: от лица нескольких героев, как в монологах, так и диалогах: «Вот и вас... точно из-за тысячи вёрст на вас смотрю...» [Там же: 178]. Субъектами чужого взгляда, то есть осознающими и проговаривающими свою визуальную активность лицами, в романе чаще являются персонажи мужского пола — Мармеладов, Зосимов, Свидригайлов, сам Раскольников. Причем рефлексия врача и бывшего студента чаще обращена к будущему, к планированию и моделированию своей дальнейшей деятельности, а титулярного советника Мармеладова и вдовца Свидригайлова — к прошлому (чаще — воспоминаниям о женщинах).

Объекты визуальной перцепции в основном говорят о чужом взгляде с другими героями, а не рассуждают о нем наедине с собой: «И так я испугалась: глядит она на меня, глядит, глаза такие, я едва на стуле усидела, помнишь, как рекомендовать начал?» [Там же: 185]. Как объекты зрительного восприятия более чувствительны женские персонажи — Дуня, Пульхерия Александровна, Соня. Они буквально «ловят» на себе взгляды окружающих, эмоционально на них реагируют, а также действуют адекватно обращенным к ним взорам. Однако и упомянутые Раскольников, Свидригайлов и Мармеладов отмечают чужие взгляды. Родион Романович осознает себя объектом визуальной перцепции в контексте преступления, например: «Да что вы так смотрите, точно не узнали?», — спрашивает он

¹ «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть — значит общаться. Абсолютная смерть (небытие) есть неуслышанность, непризнанность, невспомянность (Ипполит). Быть — значит быть для другого и через него — для себя» [Бахтин 1997: 344].

² «Человек в человеке» это не вещь, не безгласный объект, — это другой субъект, другое равноправное «я», которое должно свободно раскрыть себя самого. Со стороны же видящего, понимающего, открывающего это другое «я», т. е. человека в человеке, требуется особый подход к нему — диалогический подход» [Там же: 365].

³ «Рассказ от себя, а не от него» [Достоевский 1973, т. 7: 148].

свою жертву и т. д. [Там же: 62]. Семен Захарович, который предпочитает избиение взгляду жены, выставляя напоказ свои пороки, призывает, чтобы на него смотрели незнакомые ему люди. Этим он показывает, что боится осуждения и страдания близких, а не остального мира. Свидригайлов нередко отмечает, как на него смотрят или смотрели лица женского пола, причем апогей объектного опыта у него наступает в последнем кошмаре: глаза пятилетней девочки отделяются от ее детской сущности, становятся самостоятельным субъектом развратного взгляда и ввергают его в ужас [Там же: 393].

Полученные результаты согласуются с нарративными особенностями произведения: рассказ автора дополняется высказываниями действующих лиц и их мыслями «про себя».

Для квалификации взгляда как чужого необходимо обращение к субъективной оценке персонажами и повествователем конкретного акта визуальной перцепции.

Роман содержит три основных типа исследуемого феномена¹.

«Не свой» чужой взгляд (субъект и объект восприятия не совпадают): «Он искоса и отчасти с негодованием посмотрел на Раскольникова...; Раскольников, по неосторожности, слишком прямо и долго посмотрел на него, так что тот даже обиделся» [Там же: 76].

Взгляд отчужденный — актанты совпадают (аутоперцепция), присутствует признак отчужденности, абстрагированности, герой смотрит на себя «чужими глазами», например, через зеркало.

В романе «Преступление и наказание» реализованное зрительное самовосприятие присуще Лужину и Катерине Ивановне. «Пётр Петрович, пробившись из ничтожества, болезненно привык любоваться собою... даже иногда, наедине, любовался своим лицом в зеркале»; «тотчас же посмотрелся в зеркало» [Там же: 234, 276]. Лужин видит себя согласно принятому в его окружении скопическому режиму: человек воспринимается сквозь призму социального статуса и обладания материальными благами. Пульхерия Александровна, описывая жениха дочери, отмечает, что «он довольно приятной наружности и ещё может нравиться женщинам», то есть рассуждает о нем с общественной, а не личной позиции и все неприятные для нее черты (угрюмый, высокомерный) пытается «компенсировать» перечислением его достижений [Там же: 31]. Катерина Ивановна, как следует из слов Сони Мармеладовой, любит не своим отражением в зеркале, а воспоминаниями о счастливой жизни; она примеряет воротнички к себе прошлой, значит, в настоящем

смотрит на себя абстрагированно, дистантно [Там же: 244–245].

Раскольникову приписывается гипотетическая аутоперцепция: «... с таким, по-видимому, довольным и дружеским видом, что, право, сам на себя подивился, если бы мог на себя поглядеть» [Там же: 342]. В данном случае воображаемый взгляд является чужим, так как предполагается разделение субъекта на действующего и наблюдающего, что сделало бы возможным восприятие героем своего необычного поведения.

Смешанный тип — представляет собой частный случай «не своего» чужого взгляда, субъект и объект которого различаются, но акцентирована несвойственность, необычность. Он характерен для дискурса измененных состояний сознания, душевных и телесных болезней (помешательство, бреды, агонии, припадки, видения и т. п.). Умиравший Мармеладов смотрит на знакомых и родственников взглядом, относящемуся к этому типу: «Не узнав Раскольникова, он беспокойно начал обводить глазами»; «Босенькая! Босенькая! — бормотал он, полоумным взглядом указывая на босые ножки девочки» [Там же: 141, 142].

Перечисленные типы чужого взгляда в произведении представлены в речи как повествователя, так и самих героев, причем значим субъективный опыт действующих лиц; различные способы восприятия действительности персонажами дают название таким видам чужого взгляда, как реальный и воображаемый.

Воображаемый взгляд может быть *кажущимся* (персонаж думает или чувствует, что на него смотрят, но это не соответствует актуальному восприятию) и *предполагаемым* (взгляд только прогнозируется).

Основное различие — в получении личного опыта: в случае пребывания под кажущимся взглядом объект испытывает переживания, аналогичные формирующимся при реальном зрительном восприятии². Раскольников в бреду подвергается действию мнимого «не своего» взгляда и запоминает его: «... и только изредка чуть-чуть отворяют дверь посмотреть на него, грозят ему» [Там же: 92]. Основу кажущегося взгляда составляет чувственное познание не данных в действительности событий (текущих или прошедших), которые становятся достоянием памяти. Предполагаемый же взгляд скорее является продуктом синтеза мыслительных операций и воображения, чаще обращен к будущему: «Всякий увидит»; «Ко мне... в эту комнату... он увидит... о господи!» [Там же: 85, 187].

Воображаемые взгляды не менее важны в реализации идеи произведения, чем реальные, так как отражают установки персонажей, образ мысли, являются одной из линий развертывания характера в тексте. Они могут наделяться в прозе Ф. М. Достоевского признаками дурного глаза, действие которого, по мнению автора, основано на механизме предчувствия (по-другому — прогнозирования). На это

¹ В основании разработанной нами типологии и классификации чужого взгляда на материале художественной прозы Ф. М. Достоевского лежит системный подход, что предопределяет соотношение типов и видов исследуемого феномена: тип рассматривается как более широкое понятие, выделение типов основано на наиболее существенных признаках исследуемого явления. Первое основание — наличие основного квалификационного признака феномена — гетерогенность и (или) отчужденность зрительного восприятия; второе — рефлексивная принадлежность тому или иному актанту.

² Это сопоставимо с размышлениями Ж.-П. Сартра о достоверности рассматривания для человека, на которого направлен кажущийся взгляд другого, стимулирующей рефлексии объекта зрительного восприятия [Сартр 2000].

предполагаемое восприятие направлены действия героев по избеганию чужого взгляда: «теперь нас брат не увидит» [Там же: 375].

Образ дурного, или черного, глаза закреплен в мифологических, фольклорных и литературных текстах. Посредством взгляда можно влиять на одушевленные и неодушевленные объекты действительности, процесс или результат какой-либо деятельности. То есть глаз служит инструментом негативного воздействия [Потебня 1865; Смирнова 1989].

В дневниковых записях писатель приводит случай из жизни своего знакомого, отмечая, что подобные реалии должны быть исследованы и истинность их или ложность «важно разъяснить раз и навсегда» [Достоевский 1983, т. 25: 264]. Неоднократное обращение к обозначенной проблеме встречается в письмах при упоминании состояния здоровья (своего или детей)¹. В романе «Униженные и оскорбленные» тема сглаза также появляется в контексте здоровья и детско-родительских отношений [Достоевский 1972, т. 3: 194].

Сопоставительный анализ показывает, что тема дурного глаза сопряжена с боязнью неконтролируемого деструктивного воздействия (своего или чужого) на нечто, представляющее ценность.

Однако в художественном мире автора негативное отношение к визуальности не ограничивается сглазом. Герои Ф. М. Достоевского сознательно избегают как реального, так и воображаемого чужого взгляда, не желая находиться в роли объекта.

В романе «Преступление и наказание» чужой взгляд имеет сходство с «дурным» не только из-за предполагаемой силы воздействия, но и потому, что наблюдение (как реальное, так и предполагаемое) дает возможность получения информации, использование которой может повлечь за собой нежелательные последствия. Последние могут быть разнообразными: эмоциональный дискомфорт, чувство стыда, изменение отношений с окружающими, наказание. Объект визуальной перцепции оценивает не столько восприятие его субъектом, сколько влияние этого события на его жизнь.

Раскольников, моделируя преступление, учитывал визуальный фактор — возможные чужие взгляды и свой внешний вид: «Никто таких не носит, за версту заметят, запомнят... главное, потом запомнят, ан и улика» [Достоевский 1973, т. 6: 7]. Он не хотел, чтобы его опознали, так как это могло привести к раскрытию убийства и потере ценностей — свободы, семейной репутации и т. д. Сцены походов Родиона Романовича к старухе-процентщице изобилуют глаголами зрительного восприятия. Герой ориентируется на потенциальную визуальную перцепцию окружающих, избегает зрительного контакта: «Мало глядел он на прохожих, даже старался совсем не глядеть на лица и быть как можно неприметнее» [Там же: 60].

Раскольников уклоняется от коммуникации, живет замкнуто, скрывает свои поступки, боясь не только быть разоблаченным, но и стать причиной страданий своих близких: «Я трепетал давеча, что мать спросит взглянуть на них, когда про Дунечкины часы заговорили»; «Красное, ну а на красном кровь неприметнее» [Там же: 186, 64].

Сцены подготовки и совершения преступления, а также пути Родиона Романовича к признанию являются ключевыми с точки зрения отражения идейного содержания романа, и чужой взгляд в них особенно важен.

Философской основой понимания функционирования визуальности в тексте может служить система С. Л. Франка [Франк 1990]. Мыслитель отмечал, что подготовленные убийцы не смотрят в глаза жертве, чтобы не встретиться с чужой реальностью [Франк 1992].

«Я» Раскольникова как воспринимающего субъекта боится вторжения «ты» Алены Ивановны в его пределы. Планируя убийство, Родион Романович рассуждает о «старушонке» скорее как о предмете или досадном явлении. При личной встрече он не может сразу посмотреть на процентщицу как на «оно», так как видит ее глаза: «... кажется, смотри она так, не говори ни слова ещё с полминуты, то он бы убежал от неё» [Достоевский 1973, т. 6: 65]. Но герой прерывает молчание; заговорив, Алена Ивановна нарушает зрительный контакт, перестает быть реальностью, устремленной на «я» студента, теряет человеческие признаки, имя. Далее в тексте она именуется только «старухой», как и в фантазиях Раскольникова.

Контакт глаз сразу же устраняет установку на живое существо как на некий предмет, поэтому непосредственно перед убийством Раскольников управляет вниманием жертвы, занимая ее визуальный канал предполагаемой наживой: «Вещь... папиросочница... серебряная... посмотрите» [Там же: 62]. Процентщица говорит с гостем, не смотря на него; тот нападает со спины, несколько раз бьет топором по темени. Женщина падает лицом вверх, что важно — глаза остаются открытыми.

Смерть старухи для бывшего студента юридического факультета носит «казуистический» характер: он применяет различные уловки, чтобы не признавать, что убил человека, то обесценивая жизнь «ведьмы», то ссылаясь на болезнь или действие сверхъестественных сил: «... я не человека убил, я принцип убил!»; «А старушонку эту чёрт убил, а не я...» и т. п. [Там же: 211, 322]. Смерть «наибеспольнейшей вши» должна была стать ступенью в воплощении замысла, но Раскольников не «переступил»: «Только и сумел, что убить. Да и того не сумел, оказывается...» [Там же: 211]. Он не исключает, что и с разможенным черепом процентщица может очнуться, мысленно готов убить еще раз. Такая возможность представляется во сне, после того, как мешанин признает в нем «убивца». Раскольников в забытии бьет старуху топором, затем, испугавшись ее неподвижности, наклонившись к полу, заглядывает в лицо. Помертвев сначала от увиденного, он впадает в бешенство и наносит удар за ударом, вызывая громкий хохот и внимание толпы (хотя в со-

¹ 1) «Ах, чтоб не сглазить!» [Достоевский 1985, т. 28, кн. 2: 278];

2) «только чтоб не сглазить!» [Достоевский 1986, т. 29, кн. 1: 229];

3) «боюсь сглазить» [Там же: 348];

4) дважды — «только чтоб не сглазить» [Там же: 370; Достоевский 1988, т. 30, кн. 1: 206].

стоянии бодрствования старался не привлекать чужих взоров). В реальности же герой ни разу не прикоснулся топором к телу с того момента, как снова увидел лицо старухи, — «не посмел»; труп остался лежать на полу с вытаращенными глазами [Там же: 64].

В народных представлениях глаза — больше, чем органы чувств, они считаются вместилищем души, через которое она покидает тело; а открытые глаза у покойника — один из предвестников беды: так он «высматривает» следующего мертвеца [Толстой 1995].

Сюжет романа развивается согласно этнографическим данным: смерти следуют одна за другой. Раскольников, не потерявший еще ясности рассудка, уже вытер руки от крови и приступил к ограблению, когда услышал шаги и вскрик Лизаветы из комнаты, где был труп. Сестра процентщицы ожидаемо становится жертвой «идеолога», Родион Романович убивает ее, несмотря на пристальный взгляд. То есть лишает жизни не «оно», как в первом случае, а «ты», уничтожает воспринявшее его чужое сознание. Преступника сразу настигает наказание за тяжкий грех — он теряет остроту зрения и начинает «сумасшествовать»: «Он знал, впрочем, что нехорошо разглядывает, что, может быть, есть что-нибудь в глаза бросающееся, чего он не замечает»; «Он стоял, смотрел и не верил глазам своим» [Достоевский 1973, т. 6: 65–66].

В данном случае очевидна связь художественного описания чужого взгляда и имеющихся в культуре традиций и идей.

Порфирий Петрович, знающий о смерти обеих женщин, отмечает: «Ещё хорошо, что вы старушонку только убили» [Там же: 351]. Из рассуждений следователя ясно, что смерть Лизаветы теряет самостоятельное значение; Раскольников осознанно спланировал и совершил первое — «идейное» — убийство, а второе явилось актом сокрытия преступления от чужих глаз. Лизавета как свидетель могла бы опознать студента, поэтому он радикальным способом отнимает у нее возможность увидеть себя еще раз.

Кроме того, сестра чиновницы фактически увидела в Родионе Романовиче виновного, преступника, то есть того, кого он не признавал в себе долгое время. «И всё-таки вашим взглядом не стану смотреть», — Раскольников отказывается видеть себя чужими глазами, он объясняет все увиденное и совершенное им, исходя из своей теории (противопоставленной в тексте христианской и правовой точкам зрения) [Там же: 400]. Но интроекты, усвоенные в детстве (недаром появляются фигуры матери и сестры, связывающие его с непреходящими ценностями и дорогами воспоминаниями), работают вопреки его рационализации, Родион Романович принимает чужой взгляд, снова видит в человеке человека и сознается: «Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру её Лизавету топором, и ограбил» [Там же: 410].

Таким образом, чужой взгляд в «Преступлении и наказании» в целом связан с ситуациями социального взаимодействия, общения, которые, в свою очередь, значимы на уровне сюжета в рамках литературоведческого исследования.

Конечно, герои вступают друг с другом в диалог не только лично, но и посредством письменной речи, однако в контексте проблем визуальности наиболее важны особенности непосредственного общения, дающего возможность устанавливать контакт глаз или наблюдать кого-либо.

Эпизод из «Преступления и наказания» — прочтение записки — относится и к той, и к другой форме общения: «Лучше всего, прочтите её сами; тут есть пункт, который очень меня беспокоит... вы сейчас увидите сами, какой это пункт, и... скажите мне ваше откровенное мнение, Дмитрий Прокофьич!» [Там же: 167]. Пульхерия Александровна, обращаясь к Разумихину, уверена, что он заметит то, что беспокоит ее, то есть увидит записку своего приятеля глазами его матери, что свидетельствует о присутствии в повествовании прогнозируемого чужого взгляда.

Изучение феномена чужого взгляда позволяет расширить понимание идейно-философского содержания романа Ф. М. Достоевского и так называемой психологии преступника. Система чужих взглядов несет глубокий художественный смысл — выражает диалогичность идеи человека в «Преступлении и наказании», которая раскрывается в плоскости «свой — чужой». Читатель может смотреть на происходящее не только с позиции рассказчика, но и глазами разных героев, понять и проследить техники видения людей с отличающимся мировоззрением, субъективным опытом, вслед за Раскольниковым увидеть «в человеке человека», «ты», а не «оно». Феномен чужого взгляда встраивается в многомерное пространство романа, его изучение помогает детализировать особенности взаимодействия персонажей, прояснить их положение и роль в произведении, дополняет теоретические представления, уже сложившиеся в литературоведении в связи с проблемой визуальности, и позволяет рассматривать их эвристическую ценность на примере творчества Ф. М. Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М.* Собрание сочинений: в 7 т. — М.: Русские словари, 2003. — Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. — 955 с.
- Бахтин М. М.* Собрание сочинений: в 7 т. — М.: Русские словари, 1997. — Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х гг. — 731 с.
- Бахтин М. М.* Собрание сочинений: в 7 т. — М.: Русские словари: Языки слав. культуры, 2002. — Т. 6: «Проблемы поэтики Достоевского», 1963; Работы 1980-х — 1970-х гг. — 799 с.
- Белопольский В. Н.* Достоевский и другие. Статьи о русской литературе. — Ростов н/Д.: Foundation, 2011. — 250 с.
- Белопольский В. Н.* Достоевский и философия: связи и параллели. — Ростов н/Д.: Ростов. гос. ун-т, 1998. — 101 с.
- Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского. — М.: Захаров, 2001. — 171 с.
- Бубер М.* Я и Ты. — М.: Высш. шк., 1993. — 173 с.
- Дёгтева Я. Н.* Чужой взгляд: уточнение дефиниции в контексте творчества Ф. М. Достоевского // Известия ВГПУ. Серия: Филологические науки. — Воронеж, 2016. — Т. 272. — № 3. — С. 162–165.
- Другач Т. Б.* Диалог в современном мире: М. Бубер — М. Бахтин — В. Библер // Историко-философский

ежегодник 2015 / Ин-т философии РАН. — М.: Аквилон, 2015. — С. 191–242.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. — Л.: Наука, 1972. — Т. 3. Село Степанчиково и его обитатели. Униженные и оскорблённые. — 543 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. — Л.: Наука, 1973. — Т. 6. Преступление и наказание. — 424 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. — Л.: Наука, 1973. — Т. 7. Преступление и наказание. Рукописные редакции. — 416 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. — Л.: Наука, 1983. — Т. 25: Дневник писателя за 1877 год. Январь–август. — 470 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. — Л.: Наука, 1985. — Т. 28, кн. 2: Письма, 1860–1868. — 615 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. — Л.: Наука, 1986. — Т. 29, кн. 1: Письма, 1869–1874. — 573 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. — Л.: Наука, 1988. — Т. 30, кн. 1: Письма, 1878–1881. — 456 с.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. — Л.: Наука, 1988. — Т. 1: Повести и рассказы, 1846–1847. — 463 с.

Потебня А. А. О мифическом значении некоторых поверий и обрядов // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете 1865 года. — М., 1865. — Кн. 2. — С. 1–84.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. — Республика, 2000. — 638 с.

Смирнова И. Дурной глаз // Наука и религия. — 1989. — № 10. — С. 16–17.

Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. — СПб.: Серебряный век, 2005. — 472 с.

Толстой Н. И. Глаза и зрение покойников // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М., 1995. — С. 185–205.

Франк С. Л. Духовные основы общества. — М.: Республика, 1992. — 510 с.

Франк С. Л. Сочинения. — М.: Правда, 1990. — 607 с.

REFERENCES

Bakhtin M. M. Sbranie sochineniy: v 7 t. — M.: Russkie slovari, 2003. — T. 1: Filosofskaya estetika 1920-kh godov. — 955 s.

Bakhtin M. M. Sbranie sochineniy: v 7 t. — M.: Russkie slovari, 1997. — T. 5: Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh gg. — 731 s.

Bakhtin M. M. Sbranie sochineniy: v 7 t. — M.: Russkie slovari: Yazyki slav. kul'tury, 2002. — T. 6: «Problemy poetiki Dostoevskogo», 1963; Raboty 1980-kh — 1970-kh gg. — 799 s.

Belopol'skiy V. N. Dostoevskiy i drugie. Stat'i o russkoy literatu-re. — Rostov n/D.: Foundation, 2011. — 250 s.

Belopol'skiy V. N. Dostoevskiy i filosofiya: svyazi i paralleli. — Rostov n/D.: Rostov. gos. un-t, 1998. — 101 s.

Berdyayev N. A. Mirosozertsanie Dostoevskogo. — M.: Zakharov, 2001. — 171 s.

Buber M. Ya i Ty. — M.: Vyssh. shk., 1993. — 173 s.

Degteva Ya. N. Chuzhoy vzglyad: utochnenie definitsii v kontekste tvorche-stva F. M. Dostoevskogo // Izvestiya VGPU. Seriya: Filologicheskie nauki. — Voronezh, 2016. — T. 272. — № 3. — S. 162–165.

Dlugach T. B. Dialog v sovremennom mire: M. Buber — M. Bakhtin — V. Bibler // Istoriko-filosofskiy ezhegodnik 2015 / In-t filosofii RAN. — M.: Akvilon, 2015. — S. 191–242.

Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30-ti t. — L.: Nauka, 1972. — Т. 3. Selo Stepanchikovo i ego obitateli. Unizhennye i oskorblennye. — 543 s.

Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30-ti t. — L.: Nauka, 1973. — Т. 6. Prestuplenie i nakazanie. — 424 s.

Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30-ti t. — L.: Nauka, 1973. — Т. 7. Prestuplenie i nakazanie. Rukopisnye redaktsii. — 416 s.

Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. — L.: Nauka, 1983. — Т. 25: Dnevnik pisatelya za 1877 god. Yanvar'–avgust. — 470 s.

Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. — L.: Nauka, 1985. — Т. 28, кн. 2: Pis'ma, 1860–1868. — 615 s.

Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. — L.: Nauka, 1986. — Т. 29, кн. 1: Pis'ma, 1869–1874. — 573 s.

Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. — L.: Nauka, 1988. — Т. 30, кн. 1: Pis'ma, 1878–1881. — 456 s.

Dostoevskiy F. M. Sbranie sochineniy: v 15 t. — L.: Nauka, 1988. — Т. 1: Povesti i rasskazy, 1846–1847. — 463 s.

Potebnya A. A. O mificheskom znachenii nekotorykh poveriy i obryadov // Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete 1865 goda. — M., 1865. — Кн. 2. — С. 1–84.

Sartre Zh.-P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii. — Respublika, 2000. — 638 s.

Smirnova I. Durnoy glaz // Nauka i religiya. — 1989. — № 10. — С. 16–17.

Tikhomirov B. N. «Lazar'! gryadi von». Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentariy. — SPb.: Serebryanny vek, 2005. — 472 s.

Tolstoy N. I. Glaza i zrenie pokoynikov // Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike. — M., 1995. — С. 185–205.

Frank S. L. Dukhovnye osnovy obshchestva. — M.: Respublika, 1992. — 510 s.

Frank S. L. Sochineniya. — M.: Pravda, 1990. — 607 s.

Данные об авторе

Ярославна Николаевна Дёгтева — аспирант кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный университет (Воронеж).

Адрес: 394018, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10.

E-mail: Dyogteva_Yaroslavna@mail.ru.

About the author

Yaroslavna Nikolaevna Dyogteva — Post-graduate Student of the Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, Voronezh State University (Voronezh).